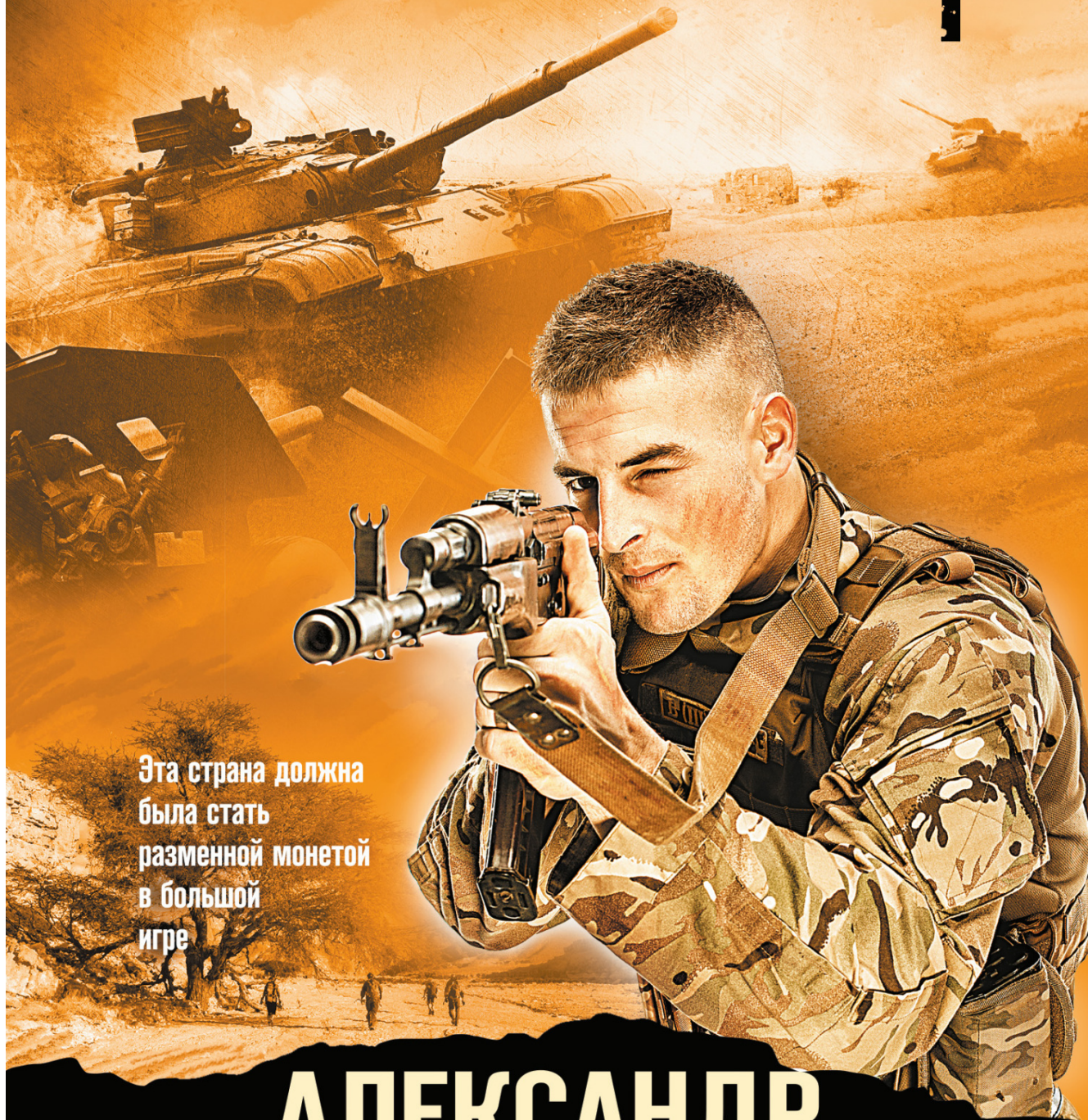

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Эта страна должна
была стать
разменной монетой
в большой
игре

АЛЕКСАНДР
ТАМОННИКОВ

Боевая хроника. Романы о памятных боях

Александр Тамоников

Черное солнце

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Черное солнце / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2021 — (Боевая хроника. Романы о памятных боях)

ISBN 978-5-04-169847-8

Стратегические планы, удачи и просчеты командования, коварство врага, подвиги солдат и командиров – война, как она есть на самом деле. Подлинность событий нашей недавней истории. Середина 80-х годов. В Анголе идет многолетняя гражданская война, в огне которой столкнулись давние интересы крупных мировых держав. В помощь прогрессивным африканским силам под видом геодезистов советское командование забрасывает в Анголу группу спецназа ГРУ капитана Валерия Маркина. Бойцы уничтожают военную базу противника, спасают пассажиров подбитого самолета, ликвидируют отряд боевых пловцов... Удача сопутствует отчаянным смельчакам, пока в ходе очередной операции Маркин не попадает в плен. Лишенная своего командира группа оказывается в смертельной опасности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169847-8

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Команда	15
Дельфи	16
Док	20
Мартыш	24
Чича	28
Теплоход	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Тамоников

Черное солнце

© Тамоников А. А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Официально советские военные советники и специалисты выполняли в Южной Африке свой «интернациональный долг», защищали ценности социализма. Что делали мы в этой далекой африканской стране, какие ценности защищали? Помогали дружественной Анголе в строительстве национальных вооруженных сил и отражении агрессии извне? Однако у тогдашнего советского руководства были и другие мотивы для того, чтобы посылать в Анголу тысячи советских людей для участия в кровопролитной междоусобной войне.

Может быть, расчет делался на дальнейшее экономическое сотрудничество в добыче сказочных природных богатств этой страны: нефти, алмазов, железных и марганцевых руд? Или в освоении мощнейших гидроресурсов ангольских рек? А может быть, советское правительство было заинтересовано в поставках в СССР сельскохозяйственной и другой продукции, которой Ангола славилась на весь мир: кофе, орехов кешью, сизаля или древесины черного и красного дерева? Да, действительно ряд экономических проектов реализовывался. Но не это было главным. Главными были цели политические. Распространить свое влияние на Анголу, Мозамбик, Зимбабве, а в перспективе и Намибию, незаконно оккупированную ЮАР, и, наконец, на саму ЮАР.

С. Коломнин

Пролог

По Голицынскому пруду сновали лодки вперемешку с утками и черными лебедями. Птицы, привыкшие к людскому соседству, не испытывали страха, а, наоборот, наперегонки подплывали поближе, чтобы первыми ухватить брошенные куски хлеба. Стоял теплый май, листья на деревьях только что распустились, слегка подрагивали от легкого ветерка, шелестели, располагая к покою и бездумному созерцанию проснувшейся природы.

Валерий Маркин обычно приходил сюда после командировок, чтобы расслабиться и отрешиться от боевых действий, которые и являлись его профессией: убивать по приказу и выживать по собственному усмотрению. Он возглавлял разведывательно-диверсионное подразделение ГРУ и регулярно направлялся то на Ближний Восток, то в Африку, чтобы реализовывать чьи-то политические замыслы, которые, впрочем, его мало интересовали – выполнил задание – и домой, а там недельный отпуск со всеми прелестями отдыха. Жил он недалеко, на Ленинском проспекте, и попадал в Нескучный сад, перейдя мост. Жена по имени Лена обычно пребывала в это время на работе, в диспансере, да он обычно и не нуждался в какой-либо компании, ибо желал насладиться одиночеством.

Квартира ему досталась от родителей, которые развелись, нашли себе новых супругов и разъехались, оставив жилье сыну, благо к тому времени он уже достиг совершеннолетия. Окончив военное училище и поступив на службу, Валера женился на Лене, девушке из провинции, но получившей отличное образование – она окончила медицинский институт по специальности фтизиатр. Лену распределили в Томск, но она какими-то запутанными тропами очутилась в Москве, где и выскочила замуж за молодого офицера с квартирой. Короче, пристроилась.

Особых страстей они друг к другу не испытывали, отношения сложились ровные, уважительные, тем более Лена умела гасить намечающиеся конфликты постельными радостями – тут она была неподражаема, любвеобильна и ненасытна. Обычно после мелкой перебранки она приступала к призывным ласкам с неминуемым продолжением, разгорающийся конфликт угасал, а Лена впоследствии поступала по-своему.

Она умела пользоваться женскими чарами при необходимости: выверенные телодвижения заправской соблазнительницы, бархатный тембр голоса, многоопытные губы и наивный взгляд голубых глаз порочной школьницы. Этим она и привлекла Маркина. На одной из вечеринок при общении с Леной Валерий сильно возбудился, затянул ее в ванную, где и произошло бурное соитие. После этого они неожиданно для всех поженились.

Жили, не особо тужили, оба находились на своем месте и при деле, супружеские обязанности с удовольствием исполняли, и казалось, что их отношения будут длиться вечно. Но ничто не вечно под луной и может поменяться мгновенно, совершить оверкиль с непредсказуемыми последствиями.

В этот раз Маркин после командировки в Мозамбик, получив законный отпуск, сразу же отправился домой. Уже стемнело, но в окнах его квартиры свет не горел.

«А где же Лена, спит, что ли?» – задал он сам себе вопрос и, желая побыстрее получить ответ, взбежал на третий этаж и нажал кнопку звонка. Тишина, никого движения за дверью. Он вошел в квартиру, воспользовавшись своим ключом, и включил свет: кухня, гостиная, спальня, ванна, туалет... Никого. На кухонном столе он обнаружил записку:

«Я ушла. Навсегда. Меня не ищи. Лена».

Неожиданно огорошенный известием, Маркин тупо крутил клочок бумаги в руках и никак не мог поверить в то, что записка вовсе не розыгрыш, не глупая шутка, Лена так не могла пошутить, а суровая действительность, выстрел из-за угла, неожиданный и подлый. Немного придя в себя, он пытался понять причину такого неожиданного поступка жены – и не мог.

«Жили нормально, без скандалов и ссор, без явных измен, хотя кто не грешен, а тут такой коллапс. Влюбилась, что ли, ненароком, или мой рваный ритм жизнь ее не устраивал? На нее не похоже. Могла бы и лично предупредить, но, видимо, воли не хватило – так проще. Когда крысы бегут с тонущего корабля, то никого не предупреждают, но корабль ведь не тонул».

Тут ему припомнились слова его куратора, полковника Милосердова, который присутствовал на их свадьбе.

– Как вам она? – задал он вопрос начальнику спустя несколько дней.

– Да как тебе сказать, – задумчиво проговорил Милосердов. – Смотря в каком смысле.

– Во всех смыслах, – сказал Маркин и застыл в ожидании ответа.

– Тебе мое мнение может не понравиться... – начал полковник, но Валерий его перебил.

Он хорошо изучил своего начальника и знал, что тот либо рубит правду-матку в глаза, либо молчит.

– Говорите. Уж лучше суровая правда, чем сладкая ложь.

– Экий ты прямолинейный, прямо как выстрел из ружья.

Полковник задумался, формулируя ответ. Он, в силу профессии, был хорошим психологом, и Маркина интересовало его мнение.

– Ну, смотри. Это лишь мой взгляд на интересующий тебя объект, который может не совпадать с истиной. – Милосердов еще на несколько секунд задумался и продолжил: – Как женщине, в смысле внешности, к ней вопросов нет: соблазнительная и привлекательная. Но ты для нее лишь ступенька лестницы, ведущей в лучезарное будущее, в «прекрасное далёко», и не карьерной лестницы, а лестницы комфорта. Ты же познакомился с ее родителями: затюканные жизнью провинциалы, проживающие в коммуналке с общим сортиром, сидящие на маленьких зарплатах, работающие по не престижным специальностям, а у тебя отец профессор, мать главный врач, непонятно, как тебя в армию занесло, да еще квартира имеется чуть ли не в центре Москвы. Желающие выйти за тебя замуж девицы должны в очереди стоять. Я бы тоже на месте Лены за тебя вышел замуж. Ну вот, она влезла на первую ступеньку жизненного комфорта и будет сидеть в засаде, чтобы при случае перебраться на следующую... Дальше продолжать?

– Не надо, – отмахнулся Валерий. – Поживем – посмотрим.

Он вовсе не обиделся на Милосердова, восприняв его рассуждения как частную болтовню, и вскоре выкинул их из головы. А вот теперь вспомнил.

«И куда же она подалась, по какой лестнице побежала?»

Маркин направился к соседке напротив, к тете Нюше, которая всё про всех знала.

– Вышла замуж за торгового представителя и умотала с ним в Нидерланды, – пояснила тетка. – Ты почти смотрел?

– Нет еще, – признался Валерий.

– Посмотри. Она же за границу умотала.

Он спустился на первый этаж и обнаружил в почтовом ящике повестку в суд, куда он не мог явиться по объективным причинам, и письмо, где четким юридическим языком было прописано, но что ввиду неявки развод был произведен без его участия.

«Ну вот, теперь я холостой, холостун, холостец... На улице весна, а на душе осень. Кто так написал? Не помню».

Ночью он спал урывками, периодически просыпался и пытался осмыслить произошедшее, понять причину, а утром отправился в Парк Горького, на сей раз не для расслабления после боевой концентрации, а чтобы заглушить нарастающую тоску.

И вот капитан Маркин сидел на берегу Голицынского пруда, рассеянным взглядом созерцая местный ландшафт, празднующую публику и уток, снующих по водной глади. Он пытался сам себя убедить, что произошедшее не горе, не беда, не жизненная катастрофа, а неприятность средней тяжести, но это у него плохо получалось.

Отягощенный подобными размышлениями, Маркин не сразу заметил, как у него появился сосед по скамейке. Он был одет в модный европейский костюм светло-серого цвета, обут в штиблеты необычной формы и благоухал дорогой парфюмерией. Но не это поразило Маркина. Рядом с ним сидел негр примерно его возраста и, что удивительно, при черной, аж до синевы, коже у него были вполне европейские черты лица. Сия несуразность, а на негров в командировках Маркин насмотрелся предостаточно, слегка отвлекла его от тяжелых раздумий, и он стал периодически коситься на соседа. Тот в свою очередь поглядывал на Валерия, а потом неожиданно сказал:

– Меня зовут Педро Мануэль. Я из Анголы. Бизнесмен.

Фраза была произнесена на чистом русском языке с едва уловимым акцентом. Маркин не жаждал общения с кем бы то ни было, но выговор негра его удивил.

– Я Валерий Маркин. Где вы так хорошо научились говорить по-русски?

– Окончил Университет имени Патриса Лумумбы, химический факультет. Пять лет прожил в Москве, освоил русский и слегка забыл португальский. Тут и собака научится понимать русский. Говорить, правда, не сможет. Я вот и понимаю, и говорю. – Педро усмехнулся.

– А вы не только научились говорить по-русски, но и впитали в себя русский юмор. Давай на «ты», – предложил Маркин.

– Давай, – согласился негр.

– А у вас в Анголе любой желающий может поступить в этот университет?

Маркин, зная африканские реалии, задал заведомо провокационный вопрос, но Педро не почувствовал скрытой иронии или просто не подал вида и ответил абсолютно серьезно:

– Конечно, нет! Лишь единицы из местной элиты. О каком высшем образовании может идти речь, если подавляющее большинство населения не знает таблицы умножения. А если кто-то и знает, то все равно для получения образования нужны деньги и связи.

– А ты представитель элиты? – не унимался Валерий.

– Конечно, – ничуть не смущаясь, подтвердил Педро. – Я племянник Жонаса Савимби. Он в Анголе большой человек.

Маркин не стал уточнять, кто такой Жонес Савимби, и перешел на другую тему:

– Сейчас-то чем занимаешься? Что у тебя за бизнес? – спросил Маркин.

– Занимаюсь алмазами. Я член совета директоров дочерней компании Де Бирс. В Анголе большие месторождения алмазов, в СССР тоже, поэтому мы сотрудничаем. Алмазы сами по себе аполитичны, это политики вокруг них увиваются. Призывают к революционной борьбе, а сами борются за прибыли от алмазных приисков.

Губы Маркина сложились в ехидную улыбку.

– Твои черты лица как-то не соответствуют африканским стандартам, – продолжил он беседу. – А в Африке я побывал, и не раз. В Анголе, правда, бывать не приходилось.

– У меня мама иудейская эфиопка или эфиопская иудейка, не знаю, как правильно. Они там все такие, с европейскими чертами. А я в маму уродился, – пояснил Педро.

– Понятно. – Маркин в знак согласия кивнул, хотя толком ничего не понимал в подобных этнических вывертах. – Ну и как там, в Анголе?

– Воюют в Анголе, кстати, с вашим участием, – сказал негр.

Маркин имел представление о событиях в этой африканской стране на уровне политинформаций. Запомнил лишь, что там существует некая организация под названием УНИТА и она является не чем иным, как пособником империализма. Об участии СССР в войне в Анголе он знал лишь по непроверенным слухам. Официально сей факт замалчивался или вовсе отрицался, что подогрело его любопытство – хотелось выслушать свидетеля или вовсе участника этой войны. Тем более он не был связан какими-либо обязательствами и подписками о неразглашении государственной тайны.

– Расскажи. Газеты лгут, но правда где-то рядом, а тебе лгать нет никакого смысла.

Маркин приготовился слушать. Необычный собеседник отвлекал его от мрачных мыслей.

– После свержения Салазара Ангола провозгласила независимость. Португальская колониальная администрация поддерживала в стране хоть какой-то порядок, а когда ее, Анголу, предоставили саму себе, то возник хаос, что неудивительно – в Африке в разное время в разных странах происходило то же самое. Тут же возникли сразу три национально-освободительных движения, если не считать разномастных банд, которые только грабили население, находясь вне политики. А чего там освобождать, если уже стали свободными?! Но под этой вывеской началась борьба за власть и за ресурсы, которых в Анголе предостаточно. В общем, сформировались три группировки, в основном по этническим предпочтениям: Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА) и Национального фронта освобождения Анголы (ФНЛА). Масло масляное, даже названия похожи – не поймешь, кто за что борется. Группировки, правда, и раньше существовали, но находились в подполье и мелко пакостили колониальному режиму.

Сначала группировки хотели договориться между собой, но не получилось. Тогда ФНЛА быстренько сожрала, потому что он якобы собирался торговать территориями с алмазными приисками, но не будем вдаваться в детали, это тебе вряд ли будет интересно. Уничтожив третьего конкурента, две оставшиеся группировки начали непримиримую гражданскую войну, которая продолжается до сих пор.

МПЛА сначала возглавлял Агостиньо Нето, а когда он умер, его заменил Жозе Эдуарду душ Сантуш, который моментально разогнал предыдущую команду и поставил своих людей, что тоже характерно для Африки, и не только. УНИТА бессменно возглавляет мой родной дядюшка Жонас Савимби.

– Так ты сторонник УНИТА? – встрял в монолог Маркин.

– Никоим образом! – отмахнулся Педро. – Я считаю себя представителем цивилизованного мира – зря, что ли, в СССР образование получал. Из них обоих руководители государства, как из задницы пулемет. Но это мое личное мнение. Меня пытались привлечь к борьбе, даже угрожали, но я откупился... Вообще странные люди, что вы, что американцы. Носитесь по всей Африке, вы внедряете социализм, американцы капитализм, а в Африке бесполезно что-либо внедрять, потому что появляется очередной великий вождь и, назвавшись королем или президентом, не важно кем, устанавливает диктатуру, а когда в стране все устаканится, выбирает ту идеологию, за которую дают больше денег и оружия. И так по кругу.

– Понятно, – усмехнулся Маркин. – Когда сидишь на алмазах, то они и являются идеологией.

– Конечно. Зато честно и по существу. – Педро на некоторое время примолк, а потом продолжил: – Ну да ладно. Почему Советский Союз решил поддержать МПЛА, это надо спросить у вашего руководства. Но члены МПЛА резко покраснели и поголовно стали марксистами. За желуди и свиньи затанцуют. А желуди жирные – деньги и вооружение. После начала гражданской войны в Анголу из СССР приехали военные советники, военные переводчики и спецназ, а с Кубы – регулярные военные части. Они сейчас и являются основной ударной силой против УНИТА, поддержанного США и ЮАР. Ты же понимаешь, что без благословения СССР Куба сама бы в эту драку не полезла, а тут стала хозяйкой горы. Параллельно начались поставки вооружений как со стороны СССР, так и со стороны США. В обе стороны. А в вашей прессе по этому поводу обет молчания. Война продолжается до сих пор с переменным успехом, и не видно ей конца... – Педро замолчал.

– М-да... – задумчиво отреагировал на слова собеседника Маркин. – Интересную ты политинформацию мне провел. Долго еще у нас будешь?

– Послезавтра улетаю в Европу, сначала в Нидерланды, а потом в Лондон, – ответил Педро.

Возникла пауза. Валерий вновь вернулся к своим мрачным размышлениям, рассеянно глядя на драку голубей за огрызок яблока. Казалось, что в его душе засела заноза и назойливо саднила, подвигая на какую-нибудь активность, пусть нелепую и бессмысленную. Хотелось вырваться, вынырнуть из этого омута неожиданно навалившихся на него проблем, выдернуть эту ноющую занозу и жить дальше.

«Морду, что ли, кому-нибудь набить...» – подумал Маркин.

– У тебя какие-то проблемы? – спросил Педро, покосившись на мрачную физиономию соседа по скамейке.

– Жена ушла, – ответил Маркин.

– Бывает, – посочувствовал негр. А что он мог еще сказать?

Неожиданно к их скамейке подошли четверо подвыпивших парней. Одеты они были в мешковатые москвошвеевские костюмы, но вместо рубашек между лацканами пиджаков виднелись тельняшки.

«Флотские. Вышагивают вразвалку как по качающейся палубе. Но гражданские. Военные без формы тельников не носят, – определил Валерий. – Что им надо?»

– О, да тут ниггер угнезвился! Каким ветром тебя занесло, безмозглую обезьяну в культурное место? – воскликнул один из морячков, изобразив на лице наглую и бесцеремонную улыбку. – Сидит тут... Здесь тебе не Америка, здесь твое место на дереве, вон на том, – флотский указал на толстую липу.

– Я не из Америки, я из Анголы, – спокойно проговорил Педро. – А ты расист, однако. В Советском Союзе расизм не приветствуется.

– Ого, обезьяна говорит по-русски! Тебя, наверное, твой русский дружок научил? – морячок ткнул пальцем в сторону Маркина. – Или он партнер? Два педика, белый и черный – такая экзотика.

Маркин понял, что пора реагировать. Флотский явно нарывался на драку.

«Жилистый, крепкий. Среди своих, вероятно, главный драчун. И чем же его негры так обидели? Неспроста он именно к Педро прицепился... Хочет подраться? Ну, так мне драка в самую масть. Главное, чтобы первым начал. Надо его завести...»

– Ты откуда здесь нарисовался, додик деревенский? Твое дело на тракторе мантулить или коровам хвосты крутить. Как тебя на флот взяли такого придурка? Поезжай в свою Засрановку и там языком молоти.

Маркин подобрал под себя ноги, готовый к броску. Морячок на пару секунд потерял дар речи, видимо, не привык к подобному обращению – приучил своих, чтоб его боялись.

– Да я, да ты... – Он аж захлебнулся от нахлынувшей злобы.

– Идите-ка вы, ребята, своей дорогой, – неожиданно включился в разговор Педро.

Флотский встрепенулся и неожиданно врезал негру в челюсть. Маркин вскочил со скамьи и совершил непоправимое – нервы расшатались. Он применил удар «Пасть дракона», промежутком ладони между большим и указательным пальцами в кадык. Этот удар категорически запрещено было употреблять в обычной жизни, лишь в боевых условиях, – невозможно было рассчитать его силу, чтобы он оказался щадящим, а не фатальным. Маркин ударил в полную силу, вогнав кадык противника в шейные позвонки. Морячок кулем рухнул на землю, захрипел, ноги его мелко задрожали.

Один из дружков поверженного набросился на Педро. Оба драться толком не умели, а лишь бестолково размахивали кулаками. Остальные напали на Маркина. Тот двумя точными ударами вырубил этих двоих, а потом и третьего.

Педро очумело постоял несколько секунд, а потом опустил на скамью. Лицо у него было в крови. Кровь не особо была заметна на его черной коже, но она капала на его светлые брюки. Валерий дал ему носовой платок, и негр машинально начал вытирать лицо. Вокруг них собралась любопытная публика.

Трое морячков очнулись и сели на асфальте, не понимая, где они и что с ними. А четвертый лежал неподвижно. К нему подошел мужчина средних лет.

– Я врач, – коротко бросил он и склонился над лежащим. Диагноз он поставил сразу же: – Ему ничем не поможешь, он умер. как это вы его? – он укоризненно посмотрел на Маркина.

– Случайно, – ответил Валерий.

– Надо вызвать милицию, – предложил кто-то из присутствующих.

– Уже пошли вызывать, – откликнулся другой.

Маркин подошел к одному из сидящих на земле моряков:

– Чего вы к негру прицепились?

– Мы из торгового флота. Ходим по всему миру, – пояснил флотский и кивнул в сторону лежащего: – А Федю один черный в Сан-Франциско сильно подставил, – пояснил он. – Прицепился к нему черный таможенник, уж не знаю по какому поводу, Федя назвал его ниггером, а тот его сдал в полицию. У них такая толерантность. Первый раз там это словечко услышал. Три дня его в полицейском участке мурыжили – хорошо, что корабль был все это время на погрузке, а то бы без него ушли. С тех пор Феде запрещен выезд за границу. Вот он и обозлился на негров, не в первый раз к ним пристаёт.

– Дурак твой Федя. Мертвый дурак. – Маркин сплюнул и отошел в сторону.

То, что он убил этого придурка, его морально не нагружало – мало ли он в своей боевой практике людей убил.

Вскоре появилась милицейская «канарейка» – заехала прямо на территорию парка. Из нее вышли трое милиционеров: старлей, в фуражке со сдвинутым на переносицу козырьком, и два сержанта.

– Старший лейтенант Сабуров. Московский уголовный розыск, – представился милиционер и, раздвинув любопытствующих граждан, подошел к мертвецу.

– У него смят кадык и раздроблены шейные позвонки, – пояснил мужчина, назвавшийся врачом. – С такими травмами не выживают.

– Кто его так? – спросил милиционер.

– Я, – признался Маркин.

Сабуров посмотрел на него оценивающим взглядом и задал вопрос:

– По какому поводу драка?

Старлей выглядел убийственно спокойным. Одним трупом больше на его совести, одним меньше, не важно.

– Вот этот, – Маркин указал на бездыханное тело, – напал на товарища из Анголы, ударил его, а потом его поддержали его подельники. Я вступился за негра...

– Он правду говорит, – вклинился в разговор Педро, теребя в руках окровавленный платок.

– Помолчите пока, с вами позже разберемся, – одернул старлей негра и вновь обратился к Маркину: – Документы при себе имеются?

Валерий молча достал военный билет и протянул милиционеру. Тот взглянул на документ.

– Где находится ваша военная часть?

– А вы в Генштаб позвоните, там вам расскажут, – предложил Маркин.

Он внезапно осознал, что произошедший инцидент развеял душевную муть. «Обычное предательство, – так мысленно определил он уход Лены. – Противно, но не критично. Переживем, пережужим... Здесь бы разобраться».

– Позвоним, – согласился Сабуров, посмотрел на труп, на Маркина и решил больше не задавать подобных вопросов, догадываясь, кто ему попал в руки. – Где так драться научились?

– На службе, – пояснил Валерий.

– Вот на службе так и деритесь. Вы задержаны. Наручники на вас не надеваем – захотели бы сбежать, так давно бы сбежали.

Старлей подал знак сержантам, чтобы приняли под свою опеку задержанного.

– Я не нахожусь в вашей юрисдикции, – попытался возразить Маркин.

– Произошло убийство, тяжкое преступление, поэтому мы обязаны вас задержать. Составим протокол и передадим вас по принадлежности, – пояснил Сабуров.

– Вот по этому номеру телефона позвоните, чтобы не затягивать процедуру. – Валерий достал карандаш, клочок бумаги и, черкнув на нем несколько цифр, передал старлею.

Маркина отвели к машине и разместили в заднем отделении для арестованных.

– Спасибо, Валера, – крикнул ему вслед Педро. – Может быть, еще встретимся.

Сабуров коротко усмехнулся и обратился к негру:

– Ваши документы?

Педро протянул старлею иностранный паспорт.

– Вам тоже придется проехать с нами, – сказал Сабуров, просмотрев документ. – В качестве свидетеля и одновременно пострадавшего. Надеюсь, что сами поедете и не придется вас привлекать через посольство.

Педро немного подумал и согласился.

Маркина разместили в камере, где уже находились трое парней. Судя по татуировкам на кистях, блатных. Валерий посмотрел на деревянный подиум, бетонные, неоштукатуренные стены, потом на своих соседей. Те в свою очередь бросали на него оценивающие взгляды. Наконец один из них, видимо старший, приблизился к Маркину, окинул его нагловатым взглядом и спросил, произнося слова с нарочитой растяжкой:

– За что приняли?

– Да убил одного придурка. Слишком много хотел знать.

Фраза была произнесена небрежно, как бы походя. Их взгляды скрестились. Первым отвел глаза блатной.

– Бывает, – сказал он и отошел к своим, осознав, что эта птичка не для потрошения и блатных игрищ.

Приблизительно через час Маркина отвели на дознание. В кабинете за столом сидел мужчина средних лет в штатском. Выглядел он неважно: помятая рубашка, взъерошенные волосы и мешки под глазами. То ли с устатка, то ли с похмелья. Больше никого не наблюдалось – видимо, посчитали, что капитан Советской Армии не будет совершать глупости, коль до сих пор не совершил.

– Майор Свиридов, следователь МУРа, – представился штатский. – Ваши документы.

Просмотрев военный билет, он отложил его в сторону, уточнил персональные данные задержанного и с места в карьер начал допрос:

– Давайте по-простому. Вы нам неинтересны, потому что находитесь вне нашей юрисдикции, и вообще, этот случай пахнет международным скандалом. Поэтому не будем тянуть время.

Когда они уже заканчивали составление протокола, в дверь заглянул дежурный офицер:

– За задержанным приехали из Главного разведывательного управления.

– Пускай немного подождут – мы уже заканчиваем, – сказал следователь. – Потом составим акт передачи задержанного, и пускай забирают своего преступника.

Маркина переделернуло от слова «преступник», но он смолчал.

На выходе его встретили два парня в штатском, никак не представились, усадили в черную «Волгу» и тут же стартовали.

– Куда едем? – спросил Валерий.

– Приедем – узнаете, – коротко сказал один из сопровождавших.

Капитана Маркина отвезли не в воинскую часть, как он предполагал, а к его куратору, полковнику Милосердову. Это его насторожило. Видимо, относительно его было принято какое-то особое решение.

Полковник Милосердов, статный мужчина лет сорока, имел уникальную мимику, то есть умел сокращать лицевые мышцы лица с небывалой экспрессией в зависимости от психического состояния на данный момент времени. Когда Маркин зашел к нему в кабинет, то сразу понял, что ничего хорошего ему не светит. Куратор выглядел мрачным и агрессивным. Тем не менее он указал Валерию на конторское кресло и, выдержав паузу, начал вещать менторским тоном:

– Ты что, не мог этих мореманов успокоить при помощи обычного деревенского мордобоя? А ты не успокоил, а упокоил одного из них при помощи спецприема, который запрещено применять без веской причины. Ты же не мальчик, Маркин, а офицер с боевым опытом. Что с тобой произошло?

– Жена ушла, – сказал Валерий. – Просто так, без объяснений. Ну вот, я и разрядился. Эмоции не сдержал.

– Нашел причину, – досадливо произнес полковник и поморщился: – Я уже два раза подобное прошел и, чувствую, скоро предстоит пройти третий.

Милосердов числился в управлении бабником и сердцеедом и уже два раза был женат.

– Я еще не приобрел подобного опыта, – язвительно заметил Маркин. С куратором они общались запросто, не придерживаясь субординации.

– Теперь приобрел. Печальный опыт. Ты хоть оцениваешь свои перспективы? – Полковник вопросительно воззрился на своего подопечного.

– В тюрьму посадят? – предположил Валерий.

– Да не посадят тебя никуда, – отмахнулся Милосердов. – Я читал показания этого ангольца – они в твою пользу. А он бизнесмен, ездит по всему миру и начнет всем рассказывать, что в Советском Союзе поощряют расистов. Его заявление моментально подцепит западная пресса, и начнут нас полоскать, как белье в проруби. Поэтому решение суда, вероятно, будет в твою пользу – найдут формулировку. А вот из армии тебя уволят. И куда ты подашься? Сторожем на рынок? – Полковник саркастически хмыкнул. – Ладно, давай по делу. Откуда взялся этот негр?

– Познакомились в Парке Горького, сидели рядом на скамейке. Он сам напросился на знакомство, – пояснил Маркин. – По-русски хорошо говорит.

– Очень интересно, – язвительно заметил Милосердов. – Негр, говорящий по-русски, по собственной инициативе знакомится с офицером ГРУ. Ты не думаешь, что это вербовочный подход, прелюдия к теме?

– По морде он тоже по собственной инициативе получил? – спросил Маркин с усмешкой. – И маловероятно, что с его стороны был подход.

– Почему ты так считаешь? – насторожился полковник.

– Не его уровень, – сказал Валерий. – Он член совета директоров алмазной фирмы, да еще племянник Жонаса Савимби, вождя УНИТА.

– Что!!! – Полковник аж подпрыгнул от неожиданного заявления. – Племянник Савимби теперь твой приятель, который еще тебе и обязан! Это интересная информация, это очень интересная информация.

Он надолго задумался, закурил. Чувствовалось, что Маркин сильно озадачил своего куратора. Валерий молчал, наблюдая за весенней мухой, настырно бьющейся о стекло. Он чувствовал, что именно сейчас решается его судьба. Наконец Милосердов, судя по его подвижной мимике, пришел к какому-то решению.

– Вот что, товарищ капитан. – Он перешел на официальный тон. – Побудете под домашним арестом, под охраной, а я тут кое с кем посоветуюсь. Думаю, что мы найдем вам применение.

На этом разговор был окончен.

Маркин просидел в своей квартире три дня, развлекаясь игрой в карты со своим охранником, сержантом Васиным. Потом его вновь доставили к Милосердову. Полковник был сух и подтянут.

– Ты в курсе, что сейчас происходит в Анголе? – с ходу задал он вопрос.

– В курсе, – сказал Маркин. – Педро, тот самый негр, меня очень качественно просветил по этой теме, пока мы сидели на скамейке.

– Ну вот и хорошо. – Полковник с удовлетворенным видом выдохнул. – Стало быть, ты знаешь, что в Анголе идет гражданская война, а по большому счету, противостояние между СССР и США. Там присутствуют и участвуют в войне наши специалисты, которых вроде там и нет – мы от их нахождения в Анголе отрещиваемся. Из армии тебя уволят без твоего участия, а ты поедешь в Анголу в качестве руководителя команды геодезистов. Свяжешься со своим Педро, чтобы приставил тебя куда-нибудь – им наверняка нужны геодезисты, но его придется частично ввести в курс дела, если возникнет необходимость, – это сам решишь на месте. А курс дела такой – проведение диверсионно-разведывательных операций на территории противника. О твоем истинном предназначении будут знать два человека: наш представитель в Анголе полковник Шлыков и командир кубинского спецназа Хосе Гонсалес. Задания будешь получать от Шлыкова, а Гонсалес при необходимости будет тебе выделять своих бойцов. У него ребята лихие. Группу наберешь сам из таких же, как ты, уволенных из спецназа. Четыре-пять человек. Срок – две недели. Далее пройдет процесс обучения по началам геодезии и ангольским реалиям. Отправляйтесь через месяц. Я тебе сделаю ксиву, что ты представитель Министерства обороны, ну и так далее, чтобы тебя не цепляли попусту. Сдашь ее перед отъездом. Когда вернешься из командировки, тебя восстановят в армии и повысят в звании за особые заслуги перед Родиной. А без заслуг ты там не обойдешься. Если выживешь. И с остальными так же. Вопросы есть?

– Есть, – сказал Маркин. – Сколько времени продлится командировка?

– Не знаю. – Милосердов пожал плечами: – Думаю, что не больше года. Еще вопросы?

– У меня с деньгами проблемы.

– Это не твои проблемы – получишь на расходы, – успокоил Валерия полковник. – Еще что-нибудь? Вопросов нет. Тогда действуй.

Часть первая. Команда

У Анголы не было бы никаких перспектив без политической и материально-технической помощи СССР.

Фидель Кастро

Дельфи

В купе вместе с Маркиным находилась парочка молодоженов и хмурый мужчина средних лет, который, выставив на столик несколько бутылок пива, регулярно посасывал его из горлышка. Он неоднократно предлагал Валерию присоединиться, мол, угощаю, но тот отказывался без всякой мотивировки. В очередной раз, отмахнувшись от назойливого соседа, Маркин посмотрел в окно. С юга надвигались черные тучи. А поезд и ехал на юг, в Одессу, попадая прямо под неминуемый дождь.

За завтраком, прослушав по радио прогноз погоды, где пророчили ливневые дожди в Крыму, Валерий решил ехать поездом, а не лететь на самолете – наверняка отложат рейсы по метеоусловиям, поэтому уж лучше побыть сутки в купе, чем сидеть в переполненном аэропорту в ожидании перемены погоды.

Одесский железнодорожный вокзал встретил прибывших проливным дождем, поэтому пассажиры не спешили покидать поезд, несмотря на увещевания проводников.

«А я угадал, что выбрал поезд, – подумал Валерий, – самолеты наверняка не сажают».

Маркин, весь багаж которого состоял из одного кожаного портфеля, не стал дожидаться, когда перестанет идти дождь, быстро пересек перрон и, пройдя между колоннами, обрамляющими здание вокзала, зашел внутрь. Сориентировавшись, он тут же направился в комендатуру и предъявил дежурному удостоверение, выданное Милосердовым, где всем предписывалось, а военному коменданту в первую очередь, оказывать всяческое содействие представителю Министерства обороны.

Комендант в звании капитана внимательно изучил документ и, слегка поморщившись, спросил:

– В чем должна заключаться наша помощь?

– Мне нужно как можно быстрее попасть в Балаклаву, на базу подводных лодок.

– У нас нет подходящего транспорта, – немного подумав, сказал капитан. – Там один участок дороги размыло – можно завязнуть. Необходим внедорожник с двумя ведущими мостами, а у нас такого нет в наличии.

– А где есть в наличии? – не унимался Маркин.

– В стройбате. Я сейчас туда позвоню.

В строительном батальоне проблем с внедорожником не возникло. Валерию выделили «газик» и сопровождающего – здорового парня по имени Иван. И не напрасно: машину, застрявшую в промоине, на аварийном участке дороги пришлось толкать, в чем Иван преуспел.

Маркин без проблем миновал КПП при въезде на территорию базы, но у входа в подземный объект, встроенный в подножие холма на берегу Балаклавской бухты, его из машины высадили.

Начальник караула, выслушав неожиданного визитера, разъяснил, что помогать, мол, мы не отказываемся, но это не относится к сохранению государственной тайны, а здесь секретный объект. Чувствовалось, что караульный скучал, хотелось с кем-то пообщаться, поэтому он раскладывал по пунктам и по полочкам права и обязанности прибывших на базу, как будто зачитывал служебную инструкцию.

– Меня не интересует объект, меня интересует Александр Реут, – прервал его словопоток Маркин. – Он вольнонаемный, бывший ваш сослуживец, ныне преподает рукопашный бой вашему подводному спецназу, вашему ПДСС.

Караульный замолк, куда-то позвонил и сообщил, что в спортзал пройти разрешили, там Реут как раз проводит занятия, и товарищ Маркин может туда проследовать вместе с сопровождающим.

С Реутом с позывным Дельфи Валерий познакомился на армейских соревнованиях по рукопашному бою. Впоследствии они еще несколько раз встречались на ринге. Общий счет поединков был три-два в пользу Маркина. Они подружились, несмотря на разные характеры: шутник и любитель розыгрышей Александр и холодный прагматик Валерий.

Однажды, вернувшись из очередной командировки, Маркин позвонил Реуту и узнал, что его уволили из армии за какой-то серьезный проступок, но он остался на базе инструктором по рукопашке. После ухода Реута представители ПДСС напрочь проигрывали все соревнования, сильно уступая сухопутным. Такой расклад не понравился командованию, и Реуту предложили вернуться на базу в качестве вольнонаемного, предоставив хорошие условия, чтобы он подтянул личный состав подводников по рукопашному бою. А он действительно был хорош в этой области. Впрочем, и в остальных, касающихся боевых навыков, тоже.

Оставив сопровождающего за дверью, Маркин вошел в спортивный зал. Реут что-то втолковывал бойцам, построенным в одну шеренгу. Он повернулся, посмотрел на Маркина и... как будто не узнал его.

– Вы кто и по какому вопросу?

Валерий, хорошо изучив Александра, понял, что тот разыгрывает какую-то очередную комбинацию, и решил подыграть:

– Я представитель завода по изготовлению спортивного инвентаря. Зовут меня Валерий Маркин. Из вашей части поступил заказ. Мне посоветовали обсудить номенклатуру изделий с Александром Реутом. Вы Александр Реут, я правильно попал? – Он едва сдерживал смех.

– Так точно! – сказал Реут и обратился к бойцам: – Жизнь не столь прекрасна, сколь удивительна, и вам в этой жизни придется драться не только на поле боя, но и в обычных условиях, если например, к вашей девушке пристанут или оскорбят. Придется реагировать, чтобы не выглядеть трусливыми слизняками. Но применять при этом приемы обычной уличной драки, и только уличной драки, если нет прямой угрозы жизни. При вашей подготовке этого будет вполне достаточно.

Маркин внутренне хохотал, догадавшись, что за спектакль затеял Реут. «Воспитание действием. Посмотрим, на что они способны».

Тем временем Александр продолжил наставления:

– Вот перед вами обычный гражданский парень, правда, крепкого телосложения и, видимо, не из трусливых. – Он повернулся к Маркину и спросил: – Вы занимались раньше боевыми искусствами? – В его глазах бегали веселые чертенята, несмотря на серьезность тона.

Валерий пожал плечами:

– В школе увлекался боксом.

– Не хотите поучаствовать в спарринге, вспомнить молодость, товарищ представитель завода? – задал следующий вопрос Реут.

– Да можно попробовать, – неуверенно проговорил Маркин. – А вы меня не покалечите?

– Ну что вы! – воскликнул Реут, демонстрируя предельную искренность. – Где предпочитаете? На ринге, на татами? Только перчатки у нас не боксерские, а несколько иные.

– На татами, – сказал Маркин и подумал: «Там покрытие мягче, головы у них целее будут».

Он разулся, снял пиджак, развязал галстук и надел предложенные ему перчатки.

Реут выбрал одного из бойцов:

– Ты. Драться по готовности. Остальным вольно, разойдись!

Парни расположились кто где в ожидании любопытного зрелища.

Боец вышел на татами, кивнул, приветствуя, и принял боевую стойку. Маркин стоял расслабленно, опустив руки, как будто происходящее его не касалось. Противник выдержал небольшую паузу и бросился в атаку, целя кулаком в голову Маркину. Тот как бы нехотя отклонился, перехватил руку бойца, крутанул его, пользуясь инерцией несущегося на него тела, сде-

лал подножку и со всего маху воткнул противника лицом в ковер. Прием был проведен с какой-то нарочитой небрежностью. Боец несколько секунд пролежал неподвижно, потом с трудом встал на ноги, очумело мотая головой.

– Нельзя недооценивать противника, тем более не представляя его возможностей. А ты как кавалерист, аллюр три креста. – Реут укоризненно посмотрел на своего подопечного и указал на другого бойца: – Теперь ты!

Парень едва ступил на татами, как тут же получил открытой ладонью в лоб и грохнулся на ковер.

– Помните, фильм показывали «Бей первым, Фреди», – продолжил нравоучения Реут. – Вот и нужно первым бить. В реальных рукопашных боестолкновениях никто команды о начале поединка давать не будет.

– Какие-то они у вас квелые, – встрял в монолог Маркин. – Давай сразу троих и в полный контакт.

Бойцы начали кое-что подозревать. Что-то здесь не чисто, не похож этот парень на представителя завода – работает профессионально. Но умение вести бой лишь подогрело их интерес к происходящему.

С троими Маркин разобрался за полминуты – все трое лежали на татами и едва шевелились.

Реут весело улыбнулся:

– Прошу любить и жаловать. Валерий Маркин, двукратный чемпион всесоюзных соревнований по рукопашному бою. А вы думали, я вам гражданского шпака подставлю для битья?

По залу прошел шепоток – все присутствующие слышали про Маркина.

– Каким ветром тебя сюда занесло и по какому поводу? – спросил Реут, когда они расположились в столовой.

– Об этом чуть позже. Сначала ответь мне на несколько вопросов, Саша... – Валерий сурово посмотрел на своего товарища, и тот сразу же понял, что шутками здесь и не пахнет.

– Спрашивай.

– За что тебя выперли из армии? – поинтересовался Маркин.

– Попал в непредвиденный замес, – немного подумав, сказал Реут. – Ты же знаешь, как у нас: в случае какого-либо прокола нужно найти козла отпущения и быстренько отчитаться. Вот из меня и сделали этого козла.

– Расскажи.

Маркин отодвинул в сторону пустую тарелку из-под борща, облокотился на стол и приготовился слушать. И Реут начал рассказывать. Медленно и раздумчиво.

– Приехала к нам как-то комиссия из центра для проверки боеготовности ПДСС. Она примерно раз в полгода приезжает. И попался среди членов этой комиссии один разухабистый, молодящийся майор средних лет. А еще с ними была девица, специалист по оборудованию. Красивая, разведенная, да еще дочь какого-то генерала. Звали ее Лаура – ее папаше не откажешь в воображении. И начал майор за этой Лаурой ухлестывать – вертелся вокруг нее, как озабоченный кобелек вокруг текущей сучки. В то же время к нам нагрянули археологи. Возле острова Змеиный нашли затонувший корабль XIX века. Вот они и приехали, чтобы посмотреть, что за кораблик обнаружили. Среди них нашлись двое водоплавающих. Меня приставили их сопровождать в подводной экспедиции. И тут возник этот майор, мол, и он с нами пойдет, он, дескать, проходил подготовку по подводному плаванию. И разговор происходил в присутствии всей комиссии, включая председателя. И хоть бы кто слово против сказал! И наше начальство вроде бы не возражало, чтобы зря не раздражать комиссию. А майор распустил хвост перед этой Лаурой. «Там глубина около двадцати метров, – предупредил я. – Вы уверены, что справитесь? Для погружения на такую глубину нужна специальная подготовка». Майор только махнул рукой – ну как он мог теперь отступить. Выделили ему акваланг, хоро-

ший, итальянский. Я его проверил от и до. Дошли на катере до Змеинового, спустились под воду, ушли на глубину и достигли затонувшего корабля. Ничего себе кораблик, парусник с огромной дырой в борту. Майор сначала вел себя неплохо, двигался нормально, а потом случилась беда – он неожиданно сорвал с себя маску, и это на глубине в двадцать метров. Я бросился к нему, но что я мог предпринять? Впоследствии мне объяснили, что у него стукнуло сердце, он начал задыхаться и рефлекторно избавился от маски. Короче, на базу мы доставили труп. В смерти члена комиссии обвинили меня, до суда не дошло, но из армии уволили. Выставили дело так, что я по собственной инициативе затянул майора в опасную экспедицию без соответствующей подготовки и медицинского освидетельствования. В чем-то они правы, но ведь никто не возражал?! Однако долго я не гулял – вернули на базу в качестве инструктора по рукопашному бою. Восстановить меня в рядах Советской Армии у наших командиров власти не хватило. Вот, собственно, и все.

Реут замолчал в ожидании реакции собеседника.

– А назад, Дельфи, ты не хочешь вернуться с сохранением выслуги, звания, а то и с повышением? Есть вариант.

У Реута от удивления расширились зрачки.

– Это как это? Ты шутишь, Викинг?

Маркин получил позывной Викинг за могучее телосложение, светлые волосы и голубые глаза. А еще за отменное владение холодным оружием: ножами, штыками, топорами и еще бог знает чем.

– Ни капельки не шучу. – Маркин рассказал Реуту о предполагаемой командировке в Анголу, статусе команды и ее задачах. – Только, Саша, если ты не согласен, то немедленно забудешь о нашем разговоре.

– Я согласен, – ни на секунду не задумываясь, сказал Дельфи.

– Кстати, меня тоже на днях уволили из армии, – сказал Маркин. – Так что мы в равных условиях. Как-нибудь расскажу.

Док

Когда Маркин приехал в Саратов, то сразу же зашел в привокзальную гостиницу. Увидев неснимаемую табличку «Мест нет», он не пытался что-либо доказывать гостиничной администрации, а сделал проще: в военной комендатуре предъявил удостоверение, и его направили в ближайшую воинскую часть, где Валерия поселили в офицерскую гостиницу и поставили на котловое довольствие. Впрочем, Маркин не собирался здесь долго задерживаться – он приехал за Гридневым Андреем с позывным Док, чтобы пригласить его в группу.

«А уж согласится, не согласится... – подумал Валерий. – Согласится, куда он денется! Для него война – мать родна». Андрея с детства тянуло на участие в драках и каких-либо военных играх: сначала он регулярно играл в дворовую «войнушку», позднее постоянно участвовал в пионерской игре «Зарница», а получив высшее медицинское образование, неожиданно для всех ушел в спецназ.

Поступать в медицинский институт его уговорил отец, главный врач городской больницы в Саратове. Гриднев решил стать хирургом и постоянно носил в кармане в качестве символа небольшой скальпель в узком цилиндрическом футляре, применяя его не всегда по назначению. Но судьба-злодейка загнала его в соответствии с распределением в районный городишко терапевтом в поликлинику, ибо хирург там уже имелся. Отец мог бы его пристроить в местечко получше, но родитель был идеалистом и решил, что истинному эскулапу нужно начинать с низов и преодолевать трудности, чтобы, закалившись, превратиться в настоящего врача.

Но сынок был с ним не согласен и, проработав с месяц в поликлинике, отправился в военкомат. Там он сказал, что является мастером спорта по самбо, кандидатом в мастера по стрельбе из пистолета, окончил медицинский институт и имеет офицерское звание лейтенанта запаса. После этих заявлений он попросил призвать его в армию, в десант или спецназ.

Военный комендант был несколько обескуражен столь неожиданной просьбой, но отнесся к ней серьезно – подобные кадры в армии были на вес золота. Он доложил об Андрее вышестоящему начальству, оно – еще более вышестоящему, где приняли положительное решение по Гридневу, написали соответствующее письмо в Минздрав, и спустя некоторое время Андрей начал службу в спецназе ГРУ под руководством капитана Маркина. Позывной ему дали Док, что соответствовало его профессии.

Док слыл любимцем женщин, но многолюбом не был, одновременно с несколькими любовницами не встречался. Как только он находил новую подружку, то немедленно расставался с предыдущей. Он имел далеко не гусарскую внешность и чем привлекал противоположный пол, никто не понимал. Видимо, чувствовали дамы в нем скрытую силу и способность защитить их от всяких жизненных невзгод. Ну и все остальное, присущее надежному мужчине. К женитьбе он не стремился, а может, не попалась ему женщина, которая не оставила бы ему никаких шансов покончить с холостяцкой жизнью, и Док предпочитал часто менять подруг.

Однажды, получив отпуск, он первый день расслаблялся и отсыпался, а на второй отправился в ближайший ресторан, где и познакомился с Настей, симпатичной и раскрепощенной девицей лет двадцати. Выпили шампанского, потанцевали, а потом всё пошло по проторенному маршруту: Док предложил продолжить знакомство на даче своих родителей, и девушка не отказалась. Поехали на такси. Андрей не сподобился обзавестись личным транспортом, да и не особо к этому стремился. Ехали весело и шумно: Док непрерывно травил анекдоты, а девушка от души смеялась. Идиллия! Благодать! Но все поменялось в считанные секунды в соответствии с той песней: «Жизнь моя тельняшка».

Впереди показался мост. Неожиданно грузовик с длинной фурой вильнул, съезжая с моста, и врезался в фонарный столб. Фура пошла юзом и перегородила шоссе. Фонарный столб сломался и ударил по крыше встречной легковушки, что не помешало ей врезаться в фуру.

Не успевая затормозить, машины врезались в грузовик, создав «кучу малу», адскую давилую. Одна из машин загорелась, вспыхнув сразу и ярко. В салоне на заднем сиденье шевелились две фигуры, а водитель успел выскочить. Подбежали несколько человек, но никто не решился лезть в огонь, а лишь размахивали руками. Появился мужчина в плащ-накидке, не раздумывая, он бросился на помощь и вскоре последовательно выдернул из салона женщину средних лет и мальчишку-подростка. Одежда на них горела. Их потушили совместными усилиями.

– Если не хотите застрять здесь надолго, то еще не поздно сдать назад и поехать в объезд. Далековато, но все равно лучше, чем стоять на месте. Но надо прямо сейчас, иначе через пробку не пробьемся, – предложил таксист.

Ответ пассажира его удивил.

– Съезжай с трассы. Да не на обочину, а вон туда, в тот скверик. Все будет оплачено.

Водитель пожал плечами и выполнил пожелание клиента. Смысл его он осознал чуть позднее. Из груды покореженных машин вытащили мужчину и положили прямо на асфальт. Он корчился, изгибался, вставая на мост, и хватался за горло.

Участник многих боевых операций, Док рефлекторно перешел в боевой режим, где нужно не раздумывать, а действовать, быстро и точно. Он выскочил наружу и подбежал к извивающемуся телу.

Андрей любил убивать. Не в буквальном смысле, когда наблюдаешь, как корчится в предсмертных судорогах поверженный тобой противник, а стрелять и попадать, сбивать врага с ног и двигаться дальше, что уж там с ним дальше будет, одному богу известно... Док без крайней необходимости никогда не добивал врагов, предоставляя это действие другим. Его полностью поглощал азарт боя, а когда он заканчивался, то в его мозгу срабатывал какой-то незримый переключатель, и на первое место в нем выходил врач. Андрей начинал оказывать медицинскую помощь раненым, и своим, и чужим. Здесь, на трассе, тоже был своего рода бой людей с техникой, который закончился, и надо было оказать помощь пострадавшим, если их еще можно спасти.

Подбежав к одному из них, лежащему на асфальте мужчине, он сразу же поставил диагноз. Перебита трахея. Жить ему осталось считанные минуты. Задохнется. И как ему помочь?

После небольших раздумий Док вытащил узкий скальпель из футляра, обрезал футляр, превратив его в трубку и вскрыв горло раненого чуть ниже поврежденного участка, воткнул ее туда, пошевелил и продул. Раненый захрипел, перестал корчиться и начал дышать через этот искусственный воздуховод.

Подъехала «Скорая помощь». Бригада медиков положила раненого на носилки и затолкала в фургон.

К Андрею подошел врач и потрогал его за плечо:

– Вовремя ты его... Где такому научился? Ты медик?

– Медик, – сказал Док. – Медицинский оканчивал. И еще боевой офицер, а на войне всякое случается.

– Понятно... Ну, бывай...

Врач устремился к машине «Скорой помощи».

Парочка до родительской дачи в этот день не добралась. Андрей расплатился с таксистом, и вскоре молодые люди расстались, договорившись созвониться и встретиться завтра вечером. Но на следующий день Доку стало не до любовных приключений: к нему пришли из милиции.

Раненый скончался в больнице той же ночью. Не от удушья, а от травм головного мозга, несовместимых с жизнью. Но это установили позже, а первичная экспертиза обвинила в смерти пациента Дока. Уж как и кто эту экспертизу проводил... На Гриднева Андрея Михайловича завели уголовное дело по статье «Непредумышленное убийство». Это дело, скорее всего, как-нибудь замяли бы посредством денег, но не успели – родственники погибшего подали в суд с требованием компенсации морального вреда. Дело получило огласку, журналисты смаковали

аварию, описывая ее, но непременно вставляли в текст инцидент с Гридневым, высказывая разные точки зрения по этому поводу. Шум, гам! Военное начальство пыталось вытащить своего офицера, попавшего в неожиданную переделку, но не смогло, хотя достигло компромисса: старший лейтенант Гриднев должен был выплатить родственникам компенсацию и уволиться из армии по собственному желанию. Уголовное дело закрыли.

Док никаких денежных накоплений не нажил, но, как говорится, не имей сто рублей: сослуживцы скинулись, и нужная сумма набралась, благо она была не сильно велика.

– Отдашь, когда разбогатеешь, – сказал ему на прощание Маркин.

Гриднев уволился из армии и уехал на родину, в Саратов, чтобы начать новую жизнь.

Переночевав в офицерской гостинице, Маркин отправился в горздравотдел. Там его направили в поликлинику, где работал Гриднев. Узнав в регистратуре номер кабинета, Валерий свернул в какой-то коридорчик и уперся в дверь с надписью «Хирург». Рядом с кабинетом на облезлых стульях сидели две женщины средних лет и парень с повязкой на голове, замотанной вокруг подбородка.

«Не в очереди же сидеть», – подумал Маркин и сказал, пресекая возможные протесты пациентов:

– Я не на прием, я на минутку.

Сунув голову в дверь, он увидел Дока в белом халате. Андрей разминал предплечье какому-то мужику, а тот морщился от боли. Док мельком взглянул на торчащую из двери голову Маркина и, не меняя выражения лица, сказал безразличным тоном:

– Через час в кафе напротив.

И вновь занялся пациентом. Реакция Гриднева ничуть не удивила Маркина – Док никогда не выказывал своих эмоций на публике, а переваривал их внутри себя.

Перейдя улицу, Валерий зашел в кафе с названием «Майская роза». Но погода стояла далеко не майская – солнце все больше припекало по мере его приближения к зениту. Он занял свободный столик, заказал кофе с булочкой и задумался в ожидании Дока.

«Мутная какая-то история с этой Анголой, – стал размышлять Маркин. – Кто там с кем воюет и за что... Получается, что Америка с нами, но чужими руками – мы кубинскими, а США юаровскими. Американцы, понятное дело, хотят до алмазов добраться. А мы-то за что воюем вместе с кубинцами? За мировую революцию? А может, тоже за алмазы? С нашей группой все ясно – нас наказали и теперь хотят послать замаливать грехи. Неофициально, без прикрытия. Если влипнем в какую-нибудь историю, то от нас тут же откредятся. Зато руки развязаны – провел операцию, и гуляй, рванина, катайся верхом на бегемотах и жирафах. А в остальном как обычно – если не мы, то кто...»

Его мысли прервал Гриднев, появившийся в проеме двери. Маркин взглянул на часы. Минута в минуту.

Док, прямо на ходу сделав заказ, присоединился к Валерию и вопросительно уставился на него в ожидании. Он прекрасно понимал, что Викинг просто так не приехал бы.

– Как дела, Док? – сказал Маркин вместо приветствия.

– Продолжаю следовать клятве Гиппократы. – Гриднев прищелкнул пальцами: – С переменным успехом.

Валерий понял, на что намекает Док.

– Судьба-злодейка, но все в наших руках.

– В чьих руках? В наших? – Гриднев зло усмехнулся.

– В моих и твоих, – не моргнув глазом ответил Маркин. – Тут бывшее начальство идею подкинуло. Ты же наверняка знаешь, что я тоже с армией распрощался. Числюсь безработным, а скоро трансформируюсь в тунеядца. Ну, так вот...

Их разговор внезапно прервал шум за одним из столиков. Растрепанная девица в откровенной одежде, демонстрирующей почти все части тела, отбивалась от худого длинноволосого парня в рваных джинсах. Тот выдернул ее из-за стола и тянул по направлению к выходу.

– Отцепись, урод! – взвизгнула девица, пытаясь высвободить руку, при этом била парня по голове и лягалась, целясь ему в промежность. Публика с интересом наблюдала за разыгрывающимся на ее глазах спектаклем.

– Надо бы помочь девушке, – предложил Маркин.

Док саркастически хмыкнул:

– И не подумаю – она не в моем вкусе.

– Циник ты, Док.

– Как всякий хирург или патологоанатом.

– А я, пожалуй, вмешаюсь.

Маркин подошел к дерущейся парочке и коротко ткнул парня в солнечное сплетение. Тот согнулся и закашлялся. Валерий подвел его к двери и пинком отправил наружу. Похлопав ладонью о ладонь, как будто стряхивая невидимую пыль, Маркин вернулся к девушке. Она сидела за столом, закрыв лицо ладонями, и плакала.

– С вами все в порядке? – поинтересовался Валерий.

– Кто тебя звал?! Лезешь не в свое дело. У нас любовь! – истерично закричала девица и зарыдала в голос.

Маркин опешил от подобного разворота сюжета, потом досадливо сплюнул и вернулся за столик к Доку. Тот ехидно ухмыльнулся и сказал:

– Излишний гуманизм и альтруизм до добра не доводят. – Он на секунду задумался. – Чего приехал-то? Не кофе же попить?

– И кофе тоже, – сказал Маркин и сурово посмотрел на товарища: – А приехал я ломать судьбу. И твою в том числе.

Гриднев хорошо знал своего бывшего командира и тут же подобрался, поняв, что шутки кончились.

Маркин коротко изложил суть предложения от бывшего начальства, и, по мере рассказа, глаза у Дока все более разгорались от возбуждения, что случалось крайне редко.

– Согласен. Ну, ты выдал фишку! – воскликнул Док, как только Маркин закончил свой рассказ, и хлопнул ладонью по столу, как будто подписал договор. – А кто еще с нами?

– Дельфи, но ты его не знаешь, а еще Чича и Мартыш. Но с ними я еще не встречался.

– Согласятся, – уверенно заявил Гриднев. – А то занимаются черт знает чем.

– Это точно! – подтвердил Маркин. – Чича на нефтеперегонном заводе охрану возглавляет, а Мартыш пишет статейки в какой-то городской газетенке, журналистом заделался. Лишь бы не покалечил там кого-нибудь с его характером. Надо срочно парня забирать.

Костя Головка с позывным Мартыш, детина двухметрового роста с пудовыми кулаками, мог не просто морду набить, а быка свалить одним ударом.

– А ты... – Маркин акцентированно ткнул пальцем в грудь Доку. – Иди и увольняйся. В Москву поедем. Прямо сегодня.

– Но отрабатывать надо. Сегодня не получится. Недели через две.

– Получится, – возразил Валерий. – Твоему начальству все убедительно и подробно объяснят.

– Иду.

Гриднев, осознав, что Маркин вновь стал его командиром, воспринял его предложение как приказ. А приказы не обсуждаются.

Мартыш

Позывной Мартыш Константин Головка получил в наследство от младшей сестры. Он дразнил вертлявую девчонку, обзывая ее мартышкой. По ассоциации. Та дулась, обижалась, а однажды выдала:

– Если я мартышка, то ты мартыш.

Так они регулярно и обзывали друг друга. Об этом как-то прознали в школе, и прозвище закрепилось за Головкой и там. Хотя Костя внешне походил скорее на бегемотика, а не на мартышку: толстый увалень, да еще и очкастый – предмет для школьных насмешек. Головка был домашним, книжным мальчиком, много читал, благо его родители трудились на ниве литературы и завели изрядную библиотеку. В школе его постоянно задирали, а иногда и били. Не сильно, но обидно. Костя терпел, терпел, а потом записался в секцию вольной борьбы, чтобы его научили отстаивать свое человеческое достоинство.

Тренер с сомнением посмотрел на толстого, неповоротливого мальчишку, но в секцию принял. И, как оказалось, не зря. Через год Костя клал на лопатки всех своих сверстников и даже ребят более старшего возраста. И всегда единственным приемом: он топтался, освобождался от захватов, а потом, уловив момент, проводил бросок через бедро и припечатывал соперника лопатками к коврику. Несмотря на внешность недотепы, Костя обладал отменной реакцией, умел концентрироваться и в нужный момент выплескивать энергию, броском или подножкой, побеждая таким образом соперника.

– Оригинальная тактика, – удивлялся тренер. – Тактика одного удара.

Приставать к нему стали меньше, после того как он в школьном коридоре бросил через бедро своего главного обидчика. А в старших классах вообще стали обходить стороной. На всякий пожарный случай. Дело в том, что к шестнадцати годам Костя за короткое время из толстого увальня превратился в двухметрового верзилу богатырской комплекции и был переведен из среднего в тяжелый вес, участвовал в соревнованиях и занимал призовые места. После окончания школы он получил звание мастера спорта.

Несмотря на увещания родителей, тяготеющих к гуманитарным дисциплинам, Костя поступил на химический факультет. Не потому, что его тянуло к химии, просто туда поступала его девушка. Она пролетела на вступительных экзаменах, а Головка прошел по конкурсу, после чего девушка пропала из его жизни. После окончания института он отправился служить в армию в звании лейтенанта – в институте имелась военная кафедра.

В военкомате, оценив комплекцию призывника, Косте предложили служить в Кремлевском полку. Так бы он и участвовал в протокольных мероприятиях и занимался шагистикой, если бы не его величество случай. И этим случаем оказался офицер спецназа ГРУ Валерий Маркин.

Иногда Костя брал отцовскую машину и ездил по городу. Однажды он попал в мелкую аварию, больше похожую на «подставу». Это и была «подстава». «Волга» не первой свежести ободрала бок его «Жигулей» и перегородила дорогу. Из нее вышли двое крепких парней. Костя не разбирался в подобных способах зарабатывания денег и тоже вышел, чтобы обсудить возникшую ситуацию.

– С тебя...

Один из подошедших парней в спортивном костюме и с золотым зубом назвал сумму, от которой у Кости потемнело в глазах.

– Но ведь я ехал по своей полосе... – пытался объяснить Головка, но его перебили:

– Ты чего, не понял? Гони монету. Гоша, объясни ему.

Названный Гошей, мало уступающий по комплекции Головке, коротко ударил его по скуле. Раз и два.

– Гони монету.

Костя был книжным мальчиком, добродушным и незлобивым, сам в драки не лез, но жизнь приучила его не оставлять без ответа подобные «наезды». В подобных случаях он заводился с пол-оборота и действовал моментально. Постояв пару секунд, он резко схватил Гошу за пояс и, как паршивого кота, выкинул его с дороги на тротуар. Следом туда же полетел фиксатый.

Костя потер рука об руку и задумался. А что делать дальше?

Внезапно сзади взвизгнули тормоза. Головка обернулся и увидел остановившееся на обочине такси. Из машины вышел молодой мужчина в сером, ловко сидящем костюме и подошел к нему.

«Второе действие спектакля, что ли?» – подумал Костя.

– Здорово ты их приложил, любо-дорого посмотреть, – сказал мужчина, глядя на Головку оценивающим взглядом. – Я Валерий Маркин. А ты?

– Я Константин Головка, – машинально ответил Костя.

Этот мужчина, появившийся ниоткуда, с первых секунд общения вызвал у него доверие. А еще он интуитивно почувствовал, что подошел этот мужик не просто так и вопросы задает неспроста.

– Чем занимаешься по жизни? – задал очередной вопрос Маркин.

– В армию иду служить, предлагают в Кремлевский полк. Я лейтенант. Окончил химический факультет.

– Караул будешь у Мавзолея разводить? – усмехнулся Маркин.

Головка промолчал.

– Ладно, – сказал Маркин, взглянув на «Волгу». – Здесь явная «подстава». Не исключено, что эти чубрики работают в связке с ГАИ. Валим отсюда, а потом поговорим. Есть о чем. Я поеду на твоей, а ты полезай в такси.

Он бросил взгляд на тротуар с двумя шевелящимися фигурами.

Костя согласился – хоть какой-то реальный выход из нелепого положения.

Остановились они у кафе-стекляшки. Маркин предложил попить кофе и побеседовать. Головка немного подумал и согласился. Он чувствовал, что его подхватило какое-то течение и несет неведомо куда. Но куда-нибудь да занесет.

Сели за столик, заказали кофе, и Маркин задал неожиданный вопрос:

– Вот сможешь ты зайти в аптеку, закупить медицинских препаратов и сварганить из них взрывчатку?

– Да без проблем, – не задумываясь, ответил Костя. – А зачем?

– Если приспичит. – Маркин усмехнулся: – Судя по тому, как ты разобрался с этими чубриками, ты занимался самбо?

– Вольной борьбой. Мастер спорта, – уточнил Головка. – А к чему такие вопросы?

– Я офицер Главного разведывательного управления. Спецназ. Пойдешь к нам служить вместо Кремлевского полка? Я смогу организовать. Нам специалисты по взрывному делу нужны, да ты еще чуть-чуть драться умеешь.

Костя молча кивнул. Он не дружил со строевой подготовкой.

Судьба сделала замысловатую петлю, и Константин Головка очутился в спецназе ГРУ.

Когда ему предложили выбрать позывной, он, немного подумав, сказал:

– Мартыш.

Головка уволили из армии в результате нелепой истории, и, несмотря на жертву в виде трупа, она выглядела глупейшей, такой, что услышавшие ее сослуживцы лишь пожимали плечами и крутили пальцем у виска. Проходя мимо ресторанчика, стоящего недалеко от его дома, Костя вдруг обнаружил, что вокруг него дерутся, а он находится в самой гуще этой драки. Впо-

следствии выяснилось, что в ресторане праздновали свадьбу, разгоряченные спиртным, гости поспорили, повздорили, слово за слово, образовались дискуссионные группы, которые вышли на улицу и начали выяснять отношения при помощи кулаков и сопутствующих предметов.

Мартыш бочком, бочком попытался покинуть поле битвы, но не получилось: какой-то мужик в разорванной рубашке и подверженный боевому азарту замахнулся на него бутылкой. Головка рефлекторно отработал ему своим пудовым кулаком в лоб. Нападавший упал и застыл в неподвижности.

«Очухается, – подумал Мартыш, двигаясь по направлению к дому. – Я ж ему просто по морде дал».

Применение спецприемов на гражданке категорически запрещалось.

Но мужик не очухался, а помер. На следующий день Мартыша задержали и после протокольных процедур отправили в СИЗО. Узнав, кто такой Головка, оповестили его войсковую часть, и на следующий день в следственный изолятор заявлялась делегация в составе военного прокурора и капитана Маркина.

Разобравшись в ситуации, они отправились восвояси.

– Надо бы передать дело нашему следственному управлению, – предложил Маркин.

– Подождем, – ответил прокурор, и это насторожило Маркина.

В тот же день он встретился с Щегловитовым. Полковник был в курсе произошедшего, но не знал подробностей.

– Он же оборонялся, – сказал Маркин, изложив в деталях инцидент.

– Если бы не труп... – Полковник тяжело вздохнул: – С его кулачищами только на корриду без шпаги быков валить, а тут какой-то пьяный дядька. И свидетели найдутся – скажут, что он первым ударил.

– Если бы лейтенант Головка не действовал на опережение и позволил себя ударить, то гнать его надо из спецназа.

– Это так, – согласился Щегловитов. – Но кому ты это будешь объяснять? Судейским? Для них это не аргумент.

– И еще насчет судейских... – Маркин на секунду задумался. – Дело не хотят передавать в трибунал, и Головка держат в СИЗО, не переводят на нашу гауптвахту.

– Вот это серьезно, – сказал полковник. – Тут два варианта: либо его сначала уволят из армии, а уволят его с большой вероятностью, и его будет судить гражданский суд, либо дело передадут в трибунал, а уволят после. Второе лучше. Надеюсь, тебе не нужно объяснять почему?

– Не нужно, – согласился Маркин.

– Вот этим делом в первую очередь и займемся.

– Прямо сейчас займусь.

Дело передали в трибунал, лейтенанта Головка осудили условно на три года за превышение необходимой обороны и уволили из вооруженных сил.

Костя не посвящал родителей в детали своей службы в армии, но отец догадывался, чем занимается его сын, и вовсе не огорчился переменам в его судьбе. Ведь там и убить могут!

Костя был книжным мальчиком, много читал и хорошо владел письменным русским. И отец, воспользовавшись связями, пристроил его в одну из городских газет корреспондентом в области культуры. Главный редактор, оценив статьи Головка и зная его биографию, подумал: «Не пришиб бы кого ненароком». Но на работу принял.

Костя в обычной жизни, имея покладистый, добродушный характер, быстро сжился с коллективом, брал интервью у маститых авторов, писал рецензии на фильмы и книжки. Такая работа ему не то чтобы нравилась, но и не тяготила.

Но иногда в его голове проскальзывала фраза из «Сказки о Мальчише-Кибальчише»: «И все бы хорошо, да что-то нехорошо». Его тянуло обратно, к боевым товарищам, на боевые операции...

А потом неожиданно появился Маркин.

Когда он вошел внутрь редакционного здания, то оказался в холле с дверями по бокам и широкой лестницей на второй этаж. К нему тут же подскочила дама средних лет и в круглых очках:

– Вы от куртуазных маньеристов?

– Может быть, но я не знаю, кто это, – ответил Маркин. – Лучше скажите, как я могу найти Головка Костю? Вы его знаете?

– О да! – воскликнула дамочка. – Мы с ним вместе работаем. Он такой большой...

– Это точно, – подтвердил Маркин. – И где этого большого найти?

– Он сейчас играет в шахматы, – пояснила дамочка и, поймав удивленный взгляд собеседника, добавила: – У нас проходит ежегодный шахматный турнир на звание лучшего шахматиста редакции. Он у нас главный поклонник шахмат. Идите на второй этаж, а там направо вторая дверь.

Мартыш, сидевший за шахматной доской, увидев Маркина, тут же предложил своему противнику ничью. Тот сразу же согласился, поскольку безнадежно проигрывал.

Они вышли в коридор.

– Командир, какими ветрами тебя сюда занесло?! – воскликнул Головка. Его удивлению не было предела.

– Африканскими. Негров по джунглям будем гонять, – ответил Маркин без тени насмешки. – В Анголу с нами поедешь?

Мартыш, зная, что у командира весьма своеобразный юмор, напрягся:

– Подробнее.

Маркин рассказал подробнее. Головка немного подумал и ответил:

– Согласен. Что мне нужно сделать? – Мартыш вопросительно уставился на Маркина.

– Уволиться и через пару дней приступить к занятиям. Будешь изучать португальский язык и повадки африканских слонов.

Чича

Леча Забоев был спокойным и покладистым мальчиком, в конфликты старался не вступать, но за себя постоять мог. Жилистый и верткий, он изматывал противника, выскальзывая из захватов и отклоняясь от ударов, приводил его в ярость, заставляя еще больше ошибаться, а потом бил в болевую точку. На этом поединок заканчивался. Бить в нужные места его научил дед по имени Борз, когда-то служивший в НКВД.

В школе Леча учился ни шатко ни валко, за исключением физкультуры – по этому предмету он был на высоте. Забоев мог долго ходить на руках, в том числе по лестнице, моментально вставать на ноги без помощи рук из любых положений, кульбитами пересекать спортивный зал и проделывать другие трюки, невыполнимые для обыкновенного школьника. Ему бы всерьез заняться гимнастикой, участвовать в соревнованиях, но он по рекомендации учителя физкультуры поступил в цирковое училище, мол, на кусок хлеба с маслом всегда заработаешь.

Леча формально чтит обычаи предков, внимательно выслушивал наставления старших, но в душе был космополитом, хотя и не знал, что означает это слово. Он очень радовался, когда его призвали в армию, считал, что это верный способ вырваться из ментальной закостенелости на свободу. В военкомате, оценив специальность Лечи, отправили его в десант – там такие ловкие нужны.

Но в армии он прославился вовсе не как акробат, а как меткий стрелок. Превосходный стрелок. Из любого стрелкового оружия. Перед самой демобилизацией на очередных ведомственных соревнованиях по стрельбе из пистолета он занял привычное для него первое место. После окончания официальных стрельб устроили показательные выступления. И тут Леча поразил зрителей. А там присутствовали не какие-то праздные дилетанты, а военные спецы. Он продемонстрировал стрельбу по-македонски, стреляя с двух рук на бегу, при этом делая невыполнимые телодвижения. Казалось, что он не целится вовсе, а стреляет куда попало, но все мишени были поражены. Когда Леча отстрелялся, к нему подошел незнакомый полковник:

– А из винтовки так же сможешь?

– А мне без разницы, – ответил Леча.

Ему дали карабин Симонова, и он за несколько секунд поразил все мишени.

На следующий день его пригласил на беседу замполит и предложил ему забыть про цирк и после демобилизации поступать в военное училище.

– Тебя примут. На соревнованиях присутствовал начальник училища и попросил меня посодействовать.

После окончания военного училища Лечу Забоева направили в спецназ ГРУ под начало капитана Маркина снайпером. Позывной ему придумал Дельфи: чеченец, Леча, Чича... Созвучно.

Но Забоева прозвище мало волновало. Он думал о зарубежных командировках, экзотических странах и был на вершине счастья.

Объект располагался в восточной части Афганистана, на берегу небольшого озера. На западе было предгорье, поросшее кустами акации и миндаля, а на востоке раскинулась полынная степь, переходящая в маковые плантации. Чича выбрал терраску, выломал кусты, мешающие обзору местности, поставил на откидные сошки крупнокалиберную снайперскую винтовку и начал наблюдать, оценивая свои шансы поразить цель, исходя из прицельной дальности стрельбы.

База по производству и хранению наркотиков представляла собой несколько каменных строений, огороженных высоким бетонным забором со сторожевыми вышками по углам. Рядом расположилось селение, состоящее из пары десятков домов. По разведанным, все

жители селения от мала до велика употребляли наркотики, а чтобы иметь к ним доступ, они работали на базе или на маковых плантациях.

«Селение я накрываю полностью, – думал Чича, – три вышки тоже вместе с большей частью территории, четвертая вышка вне досягаемости. На юг идет наезженная дорога, грузовик проедет, а по остальным направлениям наркоту распространяют, видимо, на верблюдах. Будем ждать».

Чича расположился поудобнее и продолжил наблюдение.

Отряд спецназа вызвали для уничтожения этой наркотической клоаки, потому что использование регулярной армии, в силу местных реалий, посчитали нежелательным. Дело в том, что база снабжала опиумом для употребления и продажи как своим, так и чужим. Наркотики шли как моджахедам, так и в распоряжение руководства Вооруженных сил ДРА, а также в Пакистан, и далее еще бог знает куда. Было принято решение уничтожить наркотическое гнездо, «зачистить под ноль». А это значит, чтоб не осталось свидетелей, а там пускай думают, кто виноват.

Поэтому отряд Маркина прибыл в расположение советских войск под видом строителей. А где они и что там будут строить, не суть важно. Распространили ложную информацию о том, что строительство намечается как раз недалеко от пресловутой базы. Сразу же выслали вертолет с разведкой, Маркин отправился в штаб, а остальных бойцов разместили в каменном бараке, вертеть хвосты крысам, как определил Мартыш.

Прошло трое суток, и наконец поступил сигнал к началу операции. Отряд на исходе ночи высадили с вертолетов в нескольких километрах от базы, скрытой за холмами. Чичу тут же отправили для подготовки снайперской лежки, остальные двинулись занимать исходные позиции для штурма. Снайпер класса Забоева мог оказать существенную помощь штурмующим – он производил пять выстрелов в минуту и редко промахивался.

У Чичи не было необходимости выбирать цели – он отстреливал всех подряд, «зачистка под ноль». Во время операций он делил людей на два вида: «наши», которым надо помогать и обеспечивать их защиту, и «не наши», играющие роль живых мишеней. Чича не заморачивался гуманистическими проблемами по поводу необходимости щадить женщин, стариков и детей.

Операция закончилась успешно.

«Ну вот и все, – подумал Маркин, глядя из окна вертолета на пылающую базу и занимавшиеся пожаром маковые поля. – Теперь домой».

Отряд обошелся без смертельных потерь – лишь несколько бойцов получили легкие ранения. Но по прибытии в расположение войск они потеряли Чичу. В смысле, подразделение Маркина потеряло его в качестве бойца.

В первый же день приезда ему приглянулась местная, весьма привлекательная девица по имени Салима, работающая на кухне. Вернее, первичную инициативу проявила она: строила понравившемуся бойцу глазки, соблазнительно виляла бедрами и первая заговорила с ним на невнятном русском языке.

«Такой видный мужчина да еще мусульманин!» Чем закончилось обоюдное желание, догадаться несложно.

Фронтальная любовь быстротечна и непритязательна. Этой любовью они и занимались, пока готовилась операция, – на кухне имелся топчан, и ночью отсутствовали свидетели. Но красивая женщина, как правило, имеет много поклонников. Одним из них, рассчитывающим на ее благосклонность, был советником при штабе, пуштун по имени Абдул, брат высокопоставленного чиновника в ДРА. И девушка порой его тоже привечала. Но когда появился Леча, она временно переключилась на него. Видимо, для разнообразия.

На Востоке подобная конкуренция редко заканчивается взаимными увещеваниями. После окончания операции к бараку, где расположился отряд, подошел тот самый пуштун по

имени Абдул в сопровождении двух верзил и потребовал вызвать Чичу. Чича вышел вместе с Маркиным и Мартышом. Оба своими габаритами никак не уступали свите Абдула. Особенно Мартыш.

– Ты оскорбил мою женщину, – с места в карьер начал разборку пуштун. Он хорошо говорил по-русски.

Чича только пожал плечами:

– Она сама очень хотела, чтобы ее оскорбили. И с чего вдруг твоя женщина? Она что, твоя жена?

– Я так считаю, – продолжил нагнетать атмосферу пуштун.

– Давай пригласим Салиму – пусть она что-нибудь скажет, – предложил Чича.

– Это не женское дело.

Другой бы постарался замять инцидент, зная, что на следующий день отряд отбывает в Союз, но Чича был чеченцем со своими понятиями о чести.

– Ну и считай дальше, раз это не женское дело. Раз, два, три, четыре... А я пошел.

Он сплюнул и повернулся к бараку, намереваясь отчалить. Чувствовалось, что Чича осознанно оскорбляет своего соперника, подвигая его на активные действия.

– Давай решим дело по-мужски, – остановил его Абдул. В отличие от Чичи, он находился в состоянии крайнего возбуждения.

– Врукопашную, что ли? – спокойно отреагировал чеченец. – Так давай, прямо здесь и сейчас. А вот он будет у нас секундантом. – Он кивнул в сторону Мартыша, демонстративно почесывающего свои пудовые кулаки.

– Нет, так просто ты не обойдешься. Давай вот так!

Пуштун выхватил кинжал.

– Давай так.

Чича вынул десантный нож, проявляя полнейшее равнодушие к происходящему.

– Мы войдем вот в этот пустой склад, а оттуда выйдет только один, – продолжил пуштун. Он, видимо, имел кое-какую боевую подготовку и не сомневался в своем превосходстве. Считал, что какой-то строитель, специалист по доскам и кирпичам, не чета ему в драке. А Чича являлся виртуозом ножевого боя, лучше его в этой области боевых искусств был разве что Док.

Маркин не вмешивался. Он мог бы остановить драку, и Чича подчинился бы, но его не поняли бы в отряде, категорически не поняли. Да и сам на месте Чичи он действовал бы точно так же.

«Свидетелей полно, этот начал первым, – подумал Валерий. – Последствия... А куда деваться?!»

– Только не убивать, – шепнул он на ухо Лече, когда соперники отправились на склад.

Чича вышел через пару минут с двумя ножами в руках.

– Этот жив? – спросил Маркин. В исходе поединка он не сомневался.

– Жив, – подтвердил Чича. – Я у него отнял нож, располосовал рожу крест накрест для ума и пнул в промежность. Сейчас корячится в этом сарае. Скоро выползет.

– Ну и ладно. – Маркин похлопал его по плечу: – Готовься к встрече с замполитом. За удовольствия надо платить.

Вероятно, дело замяли бы без особых последствий, но Чича умудрился выколоть своему сопернику глаз. Абдул являлся представителем местной элиты, о драке узнали в верхах, назрел международный скандал. Генералы хихикали в кулуарах над незадачливым советником, выставляли большой палец вверх, но официально участников поединка решили наказать. Уж подвергся ли наказанию пуштун, неизвестно, но Маркину объявили строгий выговор, а Лечу Забоева уволили из вооруженных сил, пообещав вернуть со временем, когда дело утихнет. Но обещать не значит жениться. А пока чем-то надо было заняться. Леча вернулся в Чечню и устроился начальником охраны нефтеперерабатывающего завода в Грозном.

На проходной при въезде на территорию нефтеперерабатывающего завода Маркина тормознул охранник. Валерий предъявил удостоверение, но оно не возымело действия. Туповатый страж начал плести про какое-то заявление, которое надо куда-то подать и его рассмотрят в течение трех дней.

– Позвони своему начальнику, – предложил Маркин.

– Это ничего не изменит, – сказал охранник, недружелюбно посмотрев на посетителя, но трубку взял. Забоева не оказалось на месте.

– Ну вот, – сказал страж и ехидно усмехнулся: – Займитесь заявлением. – И он начал диктовать какой-то адрес.

«Это ничего не изменит». – Маркин внутренне захохотал, представив, как этот недотыкомка будет в чем-то возражать Чиче. Но трех дней у него не было.

Валерий ткнул охранника в сонную артерию и, зафиксировав удар, усадил его в кресло, как будто тот решил прикорнуть. Благо свидетелей не наблюдалось.

Пройдя по асфальтированной дорожке, он вошел в здание заводоуправления. Внутренняя охрана, изучив удостоверение, отнеслась к нему более лояльно. Маркину сказали, что Забоев находится на территории, и дали сопровождающего.

Чича, увидев Маркина, воспринял его появление однозначно. Глаза его от радости загорелись.

– Меня хотят вернуть в спецназ? – предположил он, пожимая Валерию руку.

– Хотят, но не как ты думаешь. Меня самого оттуда выперли.

Маркин поведал Чиче о предполагаемой командировке в Анголу.

– Не вижу большой разницы, – сказал Чича. – Я согласен. Когда отправляемся?

– Сегодня, – сказал Маркин и добавил: – Я там твоего охранника на воротах успокоил. Не бойся, успокоил, но не упокоил. Дурачок какой-то. Показал ему удостоверение, а он уперся. Какое-то заявление нужно подать, чтобы пройти на завод. Что за заявление?

Чича недоуменно посмотрел на Маркина, почесал в раздумьях затылок, а потом, что-то вспомнив, хмыкнул:

– Была какая-то древняя инструкция, на которую всем давно наплевать, но почему-то не отменяют. Он просто над тобой измывался. Националист хренов! Надо бы его уволить, но не успею, к сожалению.

Вечером они уже находились в Грозненском аэропорту.

Теплоход

Преподаватель по португальскому языку, португалец по происхождению, непрерывно улыбался, но его улыбочивость была обманчива – спрашивал он строго и дотошно. Английский входил в базовую подготовку, и все члены группы в разной степени им владели. Португальским же не владел никто, даже на уровне «дай, возьми». Док сносно знал испанский – бабушка у него была испанкой, попавшей в СССР после испанских событий 30-х годов, поэтому ему было проще в силу иберийского происхождения обоих языков.

Кроме изучения языков, для более быстрой адаптации в Анголе бойцам читали лекции о политической ситуации в стране, о нравах и обычаях, этническому составу населения, о животном и растительном мире и прочая, и прочая, и прочая. Гоняли и по базовым дисциплинам, «а то расслабились на гражданке», ну и преподавали основы геодезии, чтобы хоть знали, с какой стороны в теодолит смотреть, не говоря уж об алидаде Максимовича.

Через месяц всю группу пригласил к себе полковник Милосердов.

– Ваша служба в Анголе, да-да, именно служба, ни в чем не будет отличаться от предыдущей по сути – разведывательные и диверсионные операции. Кроме одного – вас там нет как бойцов спецназа, вы там геодезисты, относиться к вам будут как к геодезистам и, в случае провала операции, никто вас вытаскивать с нашей стороны не будет. Сами выкручивайтесь. На самый крайний случай там есть Хосе Гонсалес, командир кубинского спецназа. Свои новые биографии знать назубок. Все поняли?

Не дождавшись реакции, полковник продолжил:

– Отбываете послезавтра. Документы на вас готовы. Имена в них ваши, а фамилии другие. Запомните, чтоб от зубов отскакивало. Командировочные возьмете у Мартюховича. В силу секретности добираться до Анголы будете с пересадкой: на самолете до Алжира и на корабле до Луанды. Там вас встретят. Вопросы есть?

– Есть. – Маркин поднял руку. – Кто нас будет встречать и как мы идентифицируемся? Пароль какой-нибудь?

– Твоя физиономия и есть пароль, а конкретно кто встретит, не знаю. Но неминуемо встретят. Еще вопросы? Нет? Свободны.

Офицеры встали и отправились к выходу. Маркин не совсем понимал смысл такой секретности – летели бы напрямую, но начальству виднее.

В аэропорту Алжира команда, не мудрствуя лукаво, наняла микроавтобус. Проехавшись по городу с необычной, на их взгляд, архитектурой, добрались до порта и, предъявив документы, вошли на территорию.

Они нашли нужный корабль – большое грузопассажирское судно под названием «Аллегро» и с либерийским флагом. На шкафуте стояла двухэтажная надпалубная надстройка, где располагались пассажирские каюты, хозяйственные помещения, кают-компания и весьма вместительный бар с напитками и закусками. Спереди на полубаке виднелась капитанская рубка. Для грузов были предназначены шканцы и трюм, а на юте расположился подъемный кран для перемещения контейнеров и прочих крупногабаритных грузов на палубу.

Махнув перед носом вахтенного матроса письмом с печатями от какого-то советского научно-производственного объединения, которое сам Маркин толком и не читал, он спросил, как найти капитана. Матрос, понимавший по-английски, махнул в сторону надстройки и коротко сказал:

– В баре.

Содержание письма его тоже не заинтересовало. Команда, одетая в светло-серые хлопчатобумажные костюмы одинакового покроя, вошла в бар. В качестве багажа бойцы несли

чемоданчики со всякой дорожной мелочью. Оружия при себе они не имели в соответствии с инструкцией. «Без оружия разберетесь, если припрет». Так ответил Милосердов на вопрос Маркина. Капитан, молодой мужчина лет тридцати с хвостиком, сидел в нише за небольшим столиком и тянул из бокала красное вино. Маркин предъявил паспорт. Капитан, мельком взглянув на документ, кивнул в знак согласия и, достав из кармана лист бумаги, назвал номера трех кают.

– Если возникнут проблемы, обратитесь к боцману.

Маркина разделение личного состава группы явно не устроило – команда должна находиться в одном помещении.

– А нельзя ли нам вместе поселиться? Есть у вас какой-нибудь просторный люкс? – Он полез во внутренний карман пиджака и демонстративно достал бумажник.

– Люксы у нас все абонированы, но... – капитан сделал небольшую паузу, – но вопрос решается.

Вопрос решился за пару сотенных купюр с портретом президента США.

Каюта находилась в самом конце коридора и состояла из двух комнат: гостиной и спальни. В спальне стояла кровать королевского размера.

– Кому-то из нас придется спать вдвоем на одной кровати, – усмехнулся Дельфи.

– Ну, мы же не эти... – возмутился Чича.

– Не эти, – согласился Маркин, который Викинг. – Мартыш, найди боцмана и попроси поменять этот будуар на каюту с пятью одноместными койками. А это для убедительности. – Он протянул ему стодолларовую купюру. – А мы пока пойдем в бар. Проследишь, а потом присоединишься.

– А у нас операция уже началась? – поинтересовался Дельфи.

Маркин намек понял.

– Наполовину. Поэтому ничего крепче сушняка и пива.

Во время проведения операций в подразделении Маркина запрещено было употребление спиртного.

– А чем мы тут будем заниматься? – поинтересовался Чича, когда команда обустроилась в каюте.

– У Дока проблем не будет. Вон там лежит пачка журналов, и половина из них – «Плейбой», – съехидничал Дельфи, зная отношение Гриднева к женщинам. – На любой вкус и цвет, но все придется делать умозрительно.

– Это лучше, чем дуньку гонять, – парировал Док.

– В тумбочке лежит две колоды карт. Нераспечатанные. И еще имеются шахматы, – включился в разговор Мартыш.

– С тобой все ясно, – сказал Маркин и посмотрел на товарищей: – Я его с шахматного турнира выдернул. Журналистикой он там занимался.

Бойцы заулыбались, не представляя крупногабаритного Мартыша за шахматным столиком.

Толя пел, Борис молчал,
Николай ногой качал.
Дело было вечером,
Делать было нечего, –

процитировал Дельфи и с размаху плюхнулся задом на кровать. – Мягкая и хорошо пружинит. Сервис на высшем уровне.

– Курить здесь будем? – спросил Док.

– Будем, если вон то окошко открывается, – Маркин указал на узкую раму в углу каюты. – Судя по рукоятке, открывается.

Остальные окна были намертво вделаны в стены.

Док подошел к окошку, дернул за рукоятку и открыл окно.

– А почему здесь не иллюминаторы? – поинтересовался Чича.

– Потому что это не парусник, – усмехнулся Дельфи.

Мартыш, Чича и Док сели играть в подкидного дурака. Маркин, сморщив лоб, что-то писал у себя в блокноте, а Дельфи уселся рядом с картежниками и наблюдал за игрой.

– Нет, играть без интереса все равно что плясать без музыки: никакого риска, никакой вожденной страсти, – неожиданно проговорил он. – И полная неизвестность. Конечно, если среди играющих не присутствует шулер. Этот все знает наперед. А если столкнулись между собой шулера? Вот это зрелище! Я видел подобное, когда возвращался после отпуска из Киева в Одессу...

Команда наострила уши, чувствуя, что Дельфи решил попотчевать коллектив очередной байкой. А тот тем временем продолжил:

– В купе кроме меня обретались три человека: огненно-рыжий мужчина средних лет с волчьим, рыскающим взглядом; с ним парень лет двадцати, то ли младший брат, то ли племянник; а напротив них расположился франтовато одетый господин с бледным ухоженным лицом и безразличным, несколько брезгливым взглядом. Он смотрелся аристократом и по внешним признакам был не особенно стеснен в деньгах, судя по швейцарским золотым часам и платиновому перстню с огромным камнем. Этот господин постоянно морщился, словно его одолевала зубная боль, а при разговоре нещадно грассировал, как будто родился во Франции или в Бердичеве. Звучало довольно смешно, и я едва сдерживался, чтоб не прыснуть от смеха. Поезд тронулся. Некоторое время, как это обычно бывает, обитатели купе сохраняли молчание и лишь украдкой оценивающе поглядывали друг на друга, стараясь не встречаться взглядами. Пауза слегка затянулась. Кто-то должен был ее прервать и начать налаживать дорожные отношения. Это сделал Рыжий – он первый инициировал разговор.

«Ну что, господа-товарищи, будем спать или займемся чем-нибудь?»

«Что вы имеете в виду?» – мурлыкнул Картавый.

«Предлагаю сгонять в картишки, в дурачка», – весело предложил Рыжий и при этом заговорщицки подмигнул мне.

Картавый брезгливо поморщился, как будто увидел таракана в тарелке, потом тяжело вздохнул и обреченно изрек:

«Дураков и так в России с избытком, впрочем, я не возражаю».

Я тоже не отказался поучаствовать в игре и присоединился к компании. Я любил и умел играть в дурака. Вспомнились молодые годы, когда в общежитии постоянно играли на интерес: кому мыть посуду, бежать в магазин... Даже девушек ставили на кон, кому какая достанется. Вот я и согласился – прошлое манит, хочется вновь в нем оказаться, хотя бы в мыслях, окунуться в атмосферу того времени...

Рыжий распечатал новую колоду, ловко стасовал ее и сдал. Игра шла весело. Рыжий постоянно сдабривал процесс игры всякими расхожими карточными поговорками типа: туз – денег картуз или дама с вальтом как кошка с котом. Сыграли три кона, и все время в дураках оставался Картавый, что очень веселило компанию. Но он относился к своим проигрышам равнодушно, с легким, ненавязчивым юмором, лишь только недоуменно пожимал плечами, мол, что поделаешь, не везет, не идет карта.

«А может быть, сгоняем в секу по маленькой, по рублику? – внезапно предложил Рыжий. – Когда я играю в эту игру, то вспоминаю детские хулиганские годы. Аж до слез пробирает. Ну, так как? Дело-то плевое, рублевое, а удовольствия масса!»

Тут мне все стало ясно. Я в молодости постоянно ездил в командировки, и мой жизненный опыт подсказал, что Рыжий со своим братом-племянником – вагонные шулера. Передвигаясь на всех видах транспорта по территории России, я несколько раз наблюдал подобные сцены и прекрасно знал, чем обычно кончается игра: сначала по маленькой, потом клиента втягивали в игру, разжигали в нем азарт и в конце концов обыгрывали подчистую, чуть ли не до исподнего.

Играть я отказался, сказал, что у меня разболелась голова и что мне необходимо прилечь. Впрочем, я, вероятно, мало интересовал шулеров. Ну что возьмешь с невзрачно одетого пассажира: потертые джинсики, свитерок не первой свежести... Объектом их вожделения являлся расфуфыренный «лох», сидящий напротив.

«А вы как?» – Рыжий посмотрел на Картавого. Пальцы у него подрагивали от нетерпения, но взгляд был чист и доверительно спокоен.

Картавый слегка задумался, глубоко вздохнул, с тихой тоской посмотрел на своего визави и, молча пожав плечами, согласился. Игра началась.

Я забрался на верхнюю полку, сделал вид, что сплю, но сквозь приопущенные ресницы с интересом наблюдал за разыгрываемым спектаклем, понимая, что финал однозначен и неминуем. Деньги на кону появлялись пока небольшие и постоянно переходили из рук в руки. Но это была прелюдия, разогрев клиента – я ждал кульминации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.